

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

РАЗГОВОРЧИКИ

На велосипедах в поисках культурного кода

Автор и куратор международного проекта «Велоночь» встретился с «неравнодушными пермяками»

Юлия Баталина

Сергей Никитин — историк по образованию и урбанист по роду деятельности. Самый большой и серьёзный проект, в котором он принимал участие, — создание градостроительного регламента и мастер-плана Москвы, увы, не завершённое в силу ряда причин; а самый громкий проект — «Велоночь» — нечто среднее между флешмобом и тематической экскурсией. В Перми Никитин прочитал в музее PERMM лекцию о том, что такое культурный код города и как его «взломать».

Что такое культурный код?

По мнению Никитина, культурный код города подвергается воздействию двух противоположностей: энергии новых переселенцев, которые готовы драться за свою нишу, и покоя старожилов, которые живут в бабушкиных квартирах, где чувствуют себя вполне уютно и не испытывают необходимости за что бы то ни было бороться.

Старожилы поддерживают устоявшийся культурный этикет, а приезжающие его взламывают. Не со зла, а просто потому, что активны и не считают, не чувствуют исторических и культурных смыслов территории. Самый очевидный пример — снос исторических зданий. Почему это происходит так легко? Потому что процесс осуществляется самая активная часть населения.

Вряд ли кому-то придёт в голову разрушить архитектурный ансамбль Дворцовой площади, но ансамбль Невского проспекта разрушается стремительно, и людям, любящим Петербург, больно это наблюдать. В 1960-е годы Ленинград был совсем другим городом. И люди в нём были другие. Они чувствовали и поддерживали тот самый культурный код.

Культурный код — это совокупность небольших, иногда прямо-таки микроскопических условностей, которые делают из жителей городов не просто людей, а, например, пермяков или москвичей. Никитин, конечно, этого не знает, но истинный пермяк произносит слово «Пермь» с двумя мягкими последними согласными, а приезжие смягчают только «м». По этой очевидно кодированной детали можно почти безошибочно определить, кто тут коренной, а кто «варяг». Подобных примеров можно привести множество.

Культурный код — это живая, неформальная часть городской традиции. По мнению Никитина, с ним можно и нужно работать: необходимо активизировать культурные подтексты городской среды, сделать их основой социальных практик, вытаскивать на свет и преподносить культурно-бытовые феномены, которые актуальны для данного города.

Так, девятая московская «Велоночь» была посвящена метро, потому

что метро, как говорит Никитин, — это исключительно московский феномен, определяющий чуть ли не всю столичную жизнь: так, если даже очень хороший музей находится далеко от станции метро, то у него проблемы. Кроме того, метро — это очень личное, иногда даже лирическое понятие для москвичей, в связи с этим Никитин вспоминает песню Окуджавы «Мне в моём метро не тесно». Нигде в мире у метро нет такой культурной ауры, как в Москве: в Париже или Нью-Йорке это просто средство передвижения.

Линии московского метро, как нитки, нанизывают на себя «бусинки» городских феноменов и легенд. Например, такой курьёзный и любопытный факт: в недрах «чёрной дыры» Черкизовского рынка существует недостроенный стадион сталинских времён, который должен был стать самым большим в мире, и для него построили специальную станцию метро.

Изобретение Никитина «Велоночь» как раз и является средством активизации культурного кода, поскольку вытаскивает на всеобщее обозрение подобные факты, делает их достоянием активного населения.

Почему велосипед?

«Велоночь» — это когда собираются тысячи велосипедистов, надевают наушники и едут по определённому маршруту, а в наушниках слушают интересные рассказы о местах, по которым проходит маршрут.

Всё это организуется официально, колонна следует под присмотром ГИБДД, улицы, по которым проходит маршрут, перекрывают, чтобы не было автомобильного транспорта, и т. д. Нехитро вроде изобретение, но такое рабочее! Никитина с его «Велоночью» приглашают не только в разные российские города, но и в разные страны мира. Дело ведь не в том, чтобы прокатиться ночью по улицам, а в том, чтобы придумать и провести экскурсию, полную новых фактов, и каждый — со смыслом, каждый приоткрывает частичку культурного кода. Так, «Велоночь» в Лондоне была посвящена Генделю, а в Казани, городе одного из

первых российских университетов, — истории российской науки.

Но почему велосипед? И что делать тем, кто, например, не пользуется этим видом транспорта?

Никитин устраивает и другие подобные экскурсии. Так, была специальная экскурсия, посвящённая «букашке» — так в Москве называют троллейбус Б, курсирующий по Садовому кольцу, — разумеется, проходила в этом самом троллейбусе. А в Венеции экскурсии проходили, естественно, в гондолах.

Но велосипед оказался самым удобным средством передвижения. Он демократичен, а главное — скорость подходит: быстрее, чем у пешехода, медленнее, чем у автомобиля. Успевавшь увидеть больше, чем на пешеходной экскурсии, но в то же время действительность не мелькает мимо, как в окне машины. Хотя пешеходные события Никитин тоже практикует.

Экскурсии, которые придумывает Сергей Никитин, не имеют ничего общего с «посмотрите направо — посмотрите налево». Он умудряется раскапывать факты, которые «окультуривают» даже совершенно ужасную архитектурную среду. Например, окрестности Комсомольской площади — площади трёх вокзалов — в Москве. Это неухоженная, ветшающая территория. Но вокруг — прекрасные дома, где жили интереснейшие люди. Например, там находится первая московская квартира Утёсова, а по соседству — дом, где жил писатель и литературовед Владимир Паперный, который с отцом, ещё более знаменитым литературоведом Зиновием Паперным, ходил к Утёсову

в гости. Здесь же — один из первых в Москве лифтов, который работал только на подъём.

Можно придумать увлекательнейшую экскурсию даже по такому стандартному «спальному» микрорайону, как московское Беляево. Здесь — места, описанные в стихах Дмитрия Пригова; дома, где в 1970-е годы жили лучшие умы России — Вячеслав Иванов, Сергей Аверинцев. Они ходили друг к другу в гости, сидели на кухнях, говорили обо всём на свете. Ходили в кино на фильмы Тарковского, потому что там был один из немногих кинотеатров, где эти фильмы показывали.

Для чего это?

Цель «Велоночи» и подобных акций — ни много ни мало, создание космоса. Уютного космоса, домашнего мироздания, в котором существуют люди и смыслы. Нахodka «гениев места», возвращение утраченных смыслов, а может, и создание новых. Так, мемориальный знак на доме, где жил Утёсов, стал сигналом к проведению дворовых патефонных дискотек, и постепенно люди, которые ненавидели свои дома, полюбили их.

Человек, в которого проник культурный код города, начинает этот город любить. Постоянная кропотливая работа с городским кодом может создать устойчивый каркас городской культурной среды.

Когда у собственника старинного здания есть выбор — снести или отреставрировать, он должен выбрать второе, но если код не взломан — он выберет первое.